

И.Т. ФРОЛОВ

ЧЕЛОВЕК И ЕГО БУДУЩЕЕ
(научный, социальный и гуманистический аспекты).¹

Проблема человека и его будущего, широко обсуждающаяся в современной науке и философии, приобрела сегодня поистине глобальный характер.

Сегодня уже нет такой социально-философской и политической доктрины, которая не ставила бы эту проблему как ключевую, решающую. Такой интерес к проблеме человека вызван рядом причин, и прежде всего тем, что развитие мировых событий, рост производства и культуры предъявляют новые требования к деятельности человека, его сознанию и самосознанию, волевым и нравственным качествам. Возрастающее воздействие на биологию, генетику и психику человека новых факторов и условий жизнедеятельности (интенсификация труда, а также рост стрессовых состояний в повседневной жизни человека, концентрация химических и других веществ в среде обитания человека), приводит к увеличению наследственных дефектов и заставляет окрашивать многие ответы на вопрос, касающийся будущего человека в пессимистические, а порой и трагические, даже апокалипсические тона.

«Антропологический» подход, весьма распространенный в современной западной футурологической литературе, не может, однако, явиться основой реальных действий, обеспечивающих будущее, благоприятное для развития человека и человечества, так как исходит из абсолютизации «человеческой природы» в ее отрыве от социальных факторов. Это относится в какой-то мере и к идеям, изложенным, в частности, В. Феркиссом в книге «Технологический человек: миф и реальность»², где в философской форме рассматриваются судьбы человека в век науки и техники. В. Феркисс говорит о грядущей «экзистенциальной революции», т.е. о таком самопреобразовании человечества, которое приведет его к появлению нового «технологического человека», радикальным образом отличающегося от современного «индустриального человека».

Подобный подход достигает своих предельных форм во всякого рода биологизаторских концепциях «человеческой природы». Конечно, «биологическая детерминанта» играет свою роль в развитии человека, но она крайне гипертрофируется сегодня в ряде футурологических экстраполяций, касающихся человека и его будущего.

Сама логика многих современных биологических исследований приводит науку к весьма сложным и деликатным человеческим проблемам, для которых по крайней мере сегодня, трудно найти какое-либо однозначное

¹ Сокращенный вариант статьи в монографии «М-л концепция глобальных проблем современности». М. Наука. 1985. С. 349-364.

² Ferkiss V. Technological man: The myth and the reality. N.Y., 1970.

решение. С другой стороны, появляются тенденции, к такой интерпретации новых проблем, относящихся к биологии и генетике человека, которая требует основательной критики вследствие явной опасности для будущего человечества.

Речь идет прежде всего о всякого рода проектах радикальной перестройки человека, в частности его генетики, о таком вмешательстве в функционирование его мозга и психики, которое привело бы, в сущности, к возникновению «нового вида», существенно отличающегося от вида *Homo sapiens*, к созданию «сверхчеловека», наделенного «сверхмозгом» и необычайными умственными и психическими способностями. Необходима ли такая перестройка, диктуется ли она реальными потребностями человека и к каким последствиям для рода человеческого она может привести? Вот вопросы, которые неизбежно при этом возникают. Вместе с тем они являются следствием и более общих актуальных для современного человечества проблем адаптации его к условиям существования, изменяющимся под влиянием научно-технической революции и вызванных ею факторов. Социальное развитие по отношению к биологии человека не всегда и не во всем приводит к благоприятным результатам. Обсуждение и учет негативных последствий воздействия некоторых социальных факторов на человеческий организм – одна из важнейших проблем современной науки.

Биологическая адаптация человека понимается в настоящее время предельно широко и не сводится только к сохранению биологического гомеостаза, т.е. к достижению устойчивого равновесия и саморегуляции живого организма в изменяющихся условиях среды. Существуют также и активные формы поддержания гомеостаза через специфически человеческую деятельность – социальную и техническую. В итоге оказывается, что для человека адаптация охватывает широкий круг факторов биологического и социального характера (причем последние подчиняют себе во многих случаях первые). Это ставит большие задачи и проблемы не только перед биологией человека, но и перед социологией, психологией и педагогикой, теорией нравственного воспитания и научной организации труда.

Человек будущего, безусловно, необычайно расширит свои адаптационные возможности с помощью самых разнообразных средств, включая фармакологию и психотерапию, и это даст ему возможность полноценно и без ущерба для здоровья действовать в самых сложных, подчас экстремальных условиях. Уже сегодня получены серьезные данные, которые свидетельствуют о новых, неизвестных ранее резервах биологической природы человека и его психофизиологических возможностях. «Биологическое оснащение» человека ярко обнаруживает свою универсальность. Человек как «венец природы» должен высвободить и новые резервы своей биологической природы, направляя их по пути гармонизации с социальными, психическими и нравственными силами, которые он пока еще не научился прочно удерживать в гомеостатическом состоянии.

Это касается, например, так называемых стрессовых состояний, а также всякого рода психических аномалий, возникающих в экстремальных

условиях эмоциональной напряженности и т.п. В настоящее время разрабатываются разнообразные методы, с помощью которых можно было бы бороться с болезнетворным эффектом этих состояний. Однако это – в основном дело будущего. Науке предстоит разгадать еще немало таинственных свойств биологической природы человека. И самая большая загадка – это человеческий мозг, психика как комплекс сознания и инстинктов, человеческий интеллект. Поиски в этой сфере дадут, по-видимому, самые впечатляющие научные результаты в будущем.

Изучение деятельности мозга – одна из сложнейших проблем современной науки. Она непосредственно связана с общим решением вопроса о соотношении биологического и социального в развитии человека и с определением как путей и методов активного влияния на интеллектуальную деятельность, сознание и психику человека, так и их допустимых – с социально-этической и гуманистической точки зрения – пределов и форм. Современная нейрофизиология находится в процессе бурного роста, который, по мнению некоторых ученых, в ближайшие полстолетия приведет к решению главных вопросов, поставленных наукой о мозге на протяжении многих веков ее развития. Это касается изучения деятельности мозга не только на клеточном и молекулярном уровнях, но и на целостном, предполагающем исследование системных связей и взаимодействий.

Универсальная организация мозга человека, определяющая уже на молекулярном уровне специфическую способность нервных клеток к системному функционированию, обеспечивает возможность высшей нервной деятельности человека, психических процессов, проявлений интеллекта, сознания. Организация мозга в существенной степени зависит также от наследственных детерминант, и поэтому в науке ставится задача расшифровки нейрофизиологического кода психических явлений, решение которой будет способствовать более эффективному использованию резервов мозга. Здесь возникает много сложных проблем, как естественнонаучных, так и социально-этических. Многие ученые, признавая допустимость искусственного влияния на работу мозга (химические стимуляторы, электрические воздействия и т.п.), выражают серьезные опасения по поводу тех отрицательных последствий, которые могут возникнуть в этой связи, и озабочены тем, как их следует избежать. По мнению П.К. Анохина, «если когда-то состоятся попытки сделать интеллектуальные способности продуктом химических и обучающих лабораторий, то вполне может случиться так, что при последующем развитии науки с более высокого ее уровня мы увидим, что внесли в мозг человека необратимые изменения, которые, к несчастью, уже нельзя будет устранить»³.

Поэтому, очевидно, задача заключается в том, чтобы для повышения активности интеллекта эффективнее использовать уже имеющиеся ресурсы мозга, которые пока заключены в его неведомых тайниках. Говоря же о

³ Анохин П.К. Изучение деятельности мозга и будущее человека. – В кн.: Научно-техническая революция и человек. М., 1977, с. 155.

будущем совершенствовании деятельности человеческого мозга, следует иметь в виду, что наука еще не дала ответа на вопрос о том, не появятся ли новые резервы и ресурсы мозга в ходе естественной эволюции определенных его участков.

Сейчас трудно более или менее точно сказать, в каком направлении, и, главное, какими методами будет осуществляться это развитие. По-видимому, это будет не какой-то один метод, естественный или искусственный, а метод комплексный, с помощью которого, как считают многие ученые, мы, быть может, «сумеем способствовать обратному воздействию разума на его собственную материальную основу – физиологию мозга».⁴ Такое «обратное воздействие разума» мы видим, в частности, и в тех новых направлениях и формах соединения нейрофизиологических исследований с техническими и даже поведенческими науками, которые дают в последние десятилетия биокибернетика и эргономика, научная программа, предусматривающая создание «искусственного интеллекта», и развитие психологии. Все эти перспективные направления открывают новые возможности и резервы развития человека.

Кибернетическое моделирование нейрофизиологических механизмов человека и их техническое воспроизведение в ЭВМ в целях создания «искусственного интеллекта», который мог бы исполнять неограниченно широкий круг функций естественного интеллекта, также открывают новые пути «обратного воздействия разума». Здесь еще много неясных и дискуссионных проблем, касающихся, в частности, исходных определений интеллекта и разума (что находит даже чисто внешнее выражение в том, берутся ли эти слова в кавычки или нет). Дело, впрочем не в этом формальном признаке, а в существе вопроса, так как одни ученые вообще отрицают возможность «создания» «искусственного интеллекта» и тем более разума, а другие, напротив, видят здесь неограниченные перспективы.

Несомненно одно: биокибернетические исследования будут способствовать существенному расширению интеллектуальных и психофизиологических возможностей человека и получат еще более широкое применение в медицине будущего, в эргономике – науке, комплексно изучающей человека в определенных условиях деятельности, связанной с использованием технических средств. Анализ психофизиологических явлений в экстремальных условиях высокого нервно-эмоционального напряжения, в частности при управлении техникой, обнаруживает не только большие и еще мало изученные возможности человека, но и существенные индивидуально-психологические различия между людьми. Учет этих различий, изучение психофизиологических явлений, возникающих во взаимодействии человека с комплексом факторов, которые сопутствуют его деятельности – один из основных путей не только психофизиологической адаптации человека, но и развития у него соответствующих способностей. Так, эргономика, используя данные и методы биологии, физиологии,

⁴ Дельгадо Х. Мозг и сознание. М., 1971, с.240.

психологии, технических и социально-экономических наук и обращаясь к человеку как субъекту деятельности, прежде всего трудовой, выявляет его резервы и творческие возможности, включая высшие проявления психики. Тем самым она выполняет глубоко гуманную роль, так как по справедливому замечанию Х. Дельгадо, «управление гигантскими силами, вызванными к жизни человеком, требует развития определенных психических свойств, способных направить разум не только на покорение природы, но и на то, чтобы сделать цивилизованной психику человека».⁵

Еще большее значение приобретают в связи с этим психологические исследования, и в частности те, в основе которых лежит изучение нейрофизиологических предпосылок психики, и прежде всего широкой системной взаимосвязи ее социальных механизмов в контексте человеческой деятельности. Психология будущего приобретает на известной стадии развития науки доминирующее значение, так как она в наибольшей степени конкретизирует и объединяет комплекс наук, изучающих человека, в частности, в аспекте его природно-биологического существования, а также в высших проявлениях его творческой деятельности. Высказывается даже предположение, что психология будущего, исследующая, в частности, «человека природы» и «человека культуры» в их взаимосвязи и взаимодействии, в конечном счете трансформируется в новый вид антропологии, включающей в себя философско-политический контекст проблемы, ее ценностные аспекты, а также соединяющей теоретические и экспериментальные исследования с практической сферой деятельности. Сбудется ли это предсказание, покажет время, однако развивающееся уже сегодня комплексное исследование психики человека дает, как нам представляется, серьезные основания для подобных прогнозов.

Следует еще раз подчеркнуть, что успехи современной науки в исследовании биологии, генетики и психики человека не только позволяют ему лучше адаптироваться к новым факторам природной и искусственной среды, чрезвычайно изменившимся под влиянием научно-технической революции, социальных преобразований и пр., но и открывают перед ним перспективу активного преобразования своей биологической природы применительно к новым задачам в сфере познания и практики, во всех проявлениях его жизни как свободного и гармонически развитого существа. Изменится ли при этом его физический облик и в каком направлении? Не придет ли на смену *Homo sapiens* какой-то «сверхчеловек», во всех отношениях отличающийся от современного? Не возникнут ли какие-то новые формы человеческого существования, соединенного с биокибернетическими устройствами, - своеобразные «биокиборги»? Не вступит ли человечество в новую стадию своей эволюции, на которой человек будет создаваться в значительной мере искусственно как «фабрикуемый» с помощью генной инженерии и биокибернетики «сверхчеловек», обладающий экстрасенсорными качествами?

⁵ Там же, с. 250.

Эти и другие вопросы не являются надуманными, и к подобным предположениям и проектам обращаются не только фантасты, но порой и серьезные ученые. Научные прогнозы о человеке будущего сопровождаются зачастую разного рода утопиями, которые апеллируют к науке и пытаются опереться на экстраполяции, исходящие из ее современных достижений, обращая их в будущее.

Идея искусственного конструирования человека, т.е. своеобразной «гомоинженерии», делающей человека равным если уж не самому господу богу, то по крайней мере его антиподу – демону, существует, наверное, столько же времени, сколько и сам человек с его способностью к фантазиям, грезам, мифам, да и к научному прогнозированию также. В науке она возникла вначале как смутное, смешанное еще с донаучными мифами ощущение зарождающейся силы и могущества научной мысли, как устремленная в будущее фантазия и вместе с тем как опасение грядущей «демонии» науки. Вспомним Гёте и его «Фауста», где он вывел нового «героя» Гомункула, лабораторного «двойника» человека, созданного Вагнером с помощью Мефистофеля. Правда, уже Гомункул сознает, что ему надо еще «поставить точку над і», т.е. «доделаться», чтобы в полной мере стать человеком. И Гёте замечает в связи с этим, что такие существа, как Гомункул, еще не омрачены и не ограничены законченным воплощением человека.

Но уже у Мэри Шелли в романе «Франкенштейн, или Современный Прометей» конструирование человекоподобного монстра получило все те негативные последствия, которые и сегодня сопровождают многие утопические проекты выведения «нового человека» с помощью науки. О. Хаксли в нашумевшем романе «Прекрасный новый мир» довел до абсурда эту идею, которая, однако, до их пор продолжает смущать умы отнюдь не только писателей-фантастов, но и ученых, апеллирующих, в частности, к евгенике и ее новым вариантам, связанным с попыткой использовать методы генной инженерии в целях «конструирования» человека.

Как известно, термин «евгеника» был предложен в 1869 г. Ф. Гальтоном в книге «Наследственность таланта, его законы и последствия», где автор, во-первых, показал, что наследственность человека, как и любого другого живого существа, подчиняется законам генетики, во-вторых поставил задачу улучшения наследственности человечества с помощью увеличения и селекции полезных качеств и уменьшения или устранения вредных. Поскольку частота последних коррелировала с частотой близкородственных браков, ограничение таких браков, медико-биологическое консультирование способствуют снижению возможностей для проявления вредной наследственности. Это является целью «негативной» евгеники, совпадающей во многом с тем, чем сегодня занимается медицинская генетика. Что же касается евгеники «позитивной», то она ставит перед собой более широкие цели: выведение «нового человека» путем селекции генотипов, полученных в потомстве людей, обладающих выдающимися умственными или физическими качествами. Это направление

евгеники было использовано (иногда вопреки гуманным намерениям его сторонников) разного рода реакционерами и расистами, в особенности теоретиками и практиками фашистской «расовой гигиены» и геноцида.

Подобная дискредитация идей евгеники, разумеется, не могла не привести к ее полному банкротству, хотя во многих случаях она опиралась на ряд обоснованных генетикой предположений и на авторитет крупных ученых, известных своими гуманистическими взглядами (Н.К. Кольцов, Г. Меллер, Дж. Б. С. Холдейн, Дж. Хаксли и др.). Правда, основной постулат «классической» евгеники – о возможности направленного выведения путем селекции людей с выдающимися интеллектуальными способностями – был опровергнут современной генетикой, а также наукой о человеке и его индивидуальном и историческом развитии. Это заставило многих сторонников евгеники пересмотреть некоторые ее первоначальные догмы и больше обращаться, в частности, к социальным проблемам развития человека. Тем не менее основные ее постулаты оставались неизменными. Особенно отчетливо эта идея была выражена в книге Г. Меллера «Из ночи: взгляд биолога на будущее». На Втором международном конгрессе по генетике человека (1961 г.) он развил эту идею в концепции «зародышевого выбора», замечая, правда, что он не гарантирует здесь полного эффекта, так как проявление признаков человека зависит и от социального окружения и развития. Меллер связывал осуществление евгенических идей с определенными социально-экономическими изменениями капиталистического общества.

Хотя эти идеи вызвали возражения у ряда крупнейших генетиков (Ф. Добжанский, Дж. Бидл, Б. Глас и др.), у евгеники нашлось и много сторонников среди современных ученых. Некоторые из них от теоретической поддержки ее идей перешли к практике: известно, что ряд лауреатов Нобелевской премии передали свою сперму для хранения и использования. Этому немало способствовала энергичная деятельность друга Меллера – американского бизнесмена Р. Грэма, создавшего банк для хранения спермы и выявившего женщин, согласившихся участвовать в эксперименте по созданию «суперлюдей».

Сегодня подобные проекты зачастую связываются с возможностью применения к человеку методов генной инженерии, клонирования и т.п. Неоевгенические идеи получают в наши дни во многих случаях новые обоснования и формы реализации, включающие ряд существенных условий. Характерно, что неоевгеника делает больший, чем это было в старой евгенике, упор на средства реализации своих проектов, на их моральность, нравственную допустимость. Речь идет, как правило, о «благородной форме евгенизма» (П. Тейяр де Шарден), которая должна применяться постепенно, в перспективе столетий и на добровольной основе. При этом позиции крайнего сциентизма, социал-биологизма, защищаемые рядом современных неоевгеников, подвергаются довольно основательно критике, так сказать, «изнутри». Подобная критика имеет большое значение в борьбе против

неоевгеники, поскольку она определяется соображениями гуманизма, общего понимания социальной ответственности ученых.

Это не значит, конечно, что вообще, в принципе невозможно и нежелательно какое бы то ни было активное вмешательство в наследственность человека и что даже в отдаленном будущем перед человечеством не откроется реальная перспектива изменения в желаемом направлении его биологической природы. Однако следует четко отличать научную возможность от реальной практики, которая не может руководствоваться абстрактными предположениями и требует конкретного определения социальных условий реализации той или иной идеи. В современных же условиях неоевгенические проекты объективно могут играть и действительно играют только реакционную социальную роль. Их реализация означала бы, по моему глубокому убеждению, генетическую катастрофу для человечества, гораздо более опасную, чем та, которую рисует неоевгеника и от которой она обещает нас спасти.

Отвергая неоевгенику по чисто научным, а также социальным, философским, гуманистическим и этическим соображениям, мы не можем вместе с тем не видеть тех реальных перспектив человека в биологическом плане, которые открываются, в частности, в связи с исследованием проблем медицинской генетики, получивших интенсивное развитие в последние годы, особенно в результате успехов генетической (генной) инженерии. Эти исследования ставят новые, порой не менее сложные проблемы. Отсюда ясно, как важно видеть социальные аспекты генетико-антропологических исследований, осознавать их гуманистическую направленность, исключая сциентистские, манипуляторские подходы к человеку и исходящую из уважения его свободы и уникальности.

Есть основания предполагать, что задачи, которые ставит перед собой «позитивная» евгеника, не будут актуальными ни с научной, ни с социальной точек зрения еще очень длительное время, так как человечество может успешно развиваться и на имеющейся генетической основе. Когда же эта задача станет актуальной, человечество найдет достойные формы ее решения и будут выработаны разумные, благородные, гуманные способы практического применения науки о прогрессивном изменении наследственности человека (будет ли эта наука называться евгеникой или нет, другой вопрос). Ведь помимо всего прочего, то, что возможно, не значит еще, что это необходимо, реально и гуманно. В условиях «расколотого мира» всякая возможность изменяющего воздействия на человека крайне опасна и ее реализация способна принести людям лишь новые беды. Кроме того, и сама наука находится где-то в самом начале познания человека, и то, что мы знаем, неизмеримо меньше того, чего мы еще не знаем. Здесь непоправимый вред может принести не только злой умысел, но и невежество, сциентистски самодовольное, а потому очень опасное.

Что касается будущего, причем весьма отдаленного, то в этой области, как я думаю, предстоят крупнейшие события, может быть самые крупные за всю историю науки, которая вступит тем самым в «век человека», когда вся

мощь научного знания обратится к человеку как своему главному объекту. Но для этого нужны соответствующие разуму и гуманности социальные условия, которые породят и новый этос науки. И на этой стадии, может быть, придет осознание уникальности человека разумного и гуманного, а какие выводы последуют из этого – судить не нам. Во всяком случае, реализация проектов изменения биологической природы человека возможна лишь на завершающей стадии «века биологии» и при достижении социальной однородности человечества. Именно это и позволит решать в будущем проблемы его биологического совершенствования в соответствии с тем идеалом, который создавался человеком на протяжении истории в мифах и утопиях и который он утвердит в будущем как результат синтеза науки и искусства, разума, добра и красоты.

Такой мировоззренческий и социальный подход, учитывающий многообразные гуманистические аспекты проблемы, следует, по-видимому, распространить не только на неоевгенические проекты «фабрикуемого сверхчеловека» путем его генетического «конструирования», но и на любые проекты качественной переделки биологической природы человека с помощью «медицинской инженерии» и т.п., создания «человека разумнейшего» путем искусственных методов воздействия на психику, конструирования «биокиборга» - *Machina sapiens*, в котором бы органично объединялись биологические качества человека и «искусственный разум», силы его «подсознания» и «экстрасенсорность» с биокибернетическими устройствами и т.п. Здесь также научные прогнозы и предположения сталкиваются с разнообразными утопиями и вненаучными спекуляциями, требующими демистификации и рационального объяснения. Научное познание обнаруживает и многие новые тайны человека, его биологической индивидуальности, его психики, требующие объективного анализа.

Потенциальные возможности изменения человеческой индивидуальности с помощью генетических методов, пересадки или регенерации органов, нейрохирургии или нейрофармакологии ставят перед наукой и обществом в острой форме вопрос о гарантиях сохранности будущих поколений. Для этого необходимо установить допустимые пределы манипулирования основным генетическим материалом человека как биологического вида, вообще всякого воздействия на его индивидуальные качества.

Вопросы эти не простые и не легкие, и не случайно они стали предметом серьезной озабоченности мировой общественности. Так, Всемирная организация здравоохранения во исполнение резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 19 декабря 1968 г. «Защита человеческой личности и физической и интеллектуальной неприкосновенности в свете прогресса биологии, медицины и биохимии» подготовила в 1970 г. специальный документ «Права человека и здравоохранение в условиях прогресса биологии и медицины», в котором, в частности, рассматривался и вопрос о пересадке органов и тканей. В документе анализировались подходы

и условия, при которых такие операции могут быть научно и этически мотивированы.

В связи с этим современная наука ставит в очень острой форме вопросы, относящиеся к медицинской этике, деонтологии, устанавливающей морально-нравственные принципы и обязательства, подобные знаменитой «клятве Гиппократата». Хорошо сказал об этом великий гуманист А. Швейцер: «Этична только абсолютная и всеобщая целесообразность сохранения и развития жизни, на что и направлена этика благоговения перед жизнью. Любая другая необходимость и целесообразность не этична, а есть более или менее необходимая необходимость или менее целесообразная целесообразность. В конфликте между сохранением моей жизни и уничтожением других жизней или нанесением им вреда я никогда не могу соединить этическое и необходимое в относительно этическом, а должен выбирать между этическим и необходимым, и в случае, если я намерен выбрать последнее, я должен отдавать себе отчет в том, что я беру на себя вину в нанесении вреда другой жизни. Равным образом я не должен полагать, что в конфликте между личной и надличной ответственностью я могу компенсировать в относительно этическом этическое и целесообразное или вообще подавить этическое целесообразным, - я могу лишь сделать выбор между членами этой альтернативы. Если я под давлением надличной ответственности отдам предпочтение целесообразному, то окажусь виновным в нарушении морали благоговения перед жизнью».⁶

Последовательное проведение в жизнь этих этических принципов, а во многих случаях и законодательное их закрепление, как это имеет место в случае экспериментирования на человеке, конечно, является важнейшей задачей человечества. Речь должна идти, следовательно, не только об использовании научно-технических возможностей, например, в случае пересадки органов и пр., но главное – о том, какие реальные пределы их использования устанавливаются обществом, ставящим на первое место сохранение человеческой индивидуальности, свободы, прав человека. Это в особенности касается любых манипуляций с мозгом и психикой человека, его сознанием и поведением, которые могут привести к «кризису идентичности», т.е. к утрате человеком представления о своем месте в обществе, о самооценности собственной личности.

Разумеется, это не означает, что отбрасывается сама идея изменяющего воздействия на мозг и психику человека в благотворном для него направлении. Эмоции здесь так же вредны, как и отсутствие социальной ответственности. Однако вряд ли можно сегодня в условиях «расколотого мира», ожесточенной борьбы прогрессивных и реакционных сил выдвигать эту идею как актуальную, так как ее реализация неминуемо оказалась бы еще одним коварным и отвратительным средством этой борьбы.

Если говорить о современности, то задача науки, как я ее понимаю, заключается в том, чтобы не только исследовать новые возможности

⁶ Швейцер А. Культура и этика. М., 1973, с. 322.

человека, в частности относящиеся к его психофизиологическому развитию, но и избегать опасных для него направлений экспериментирования, а также демистифицировать всяческие спекуляции и домыслы, сопутствующие научному поиску. Это касается как неоевгенических и биокибернетических утопий, так и парапсихологических представлений, когда они объявляются «недоступными» объективному анализу, сопровождаются идеалистическими и даже мистическими, подчас шарлатанскими интерпретациями. Следует вспомнить в связи с этим мудрые слова Ч. Дарвина: «Невежеству удается внушить доверие чаще, чем знанию, и обыкновенно не те, которые знают много, а те, которые знают мало, всегда громче кричат, что та или другая задача никогда не будет решена наукой».⁷

Самая большая загадка биологии, генетики и психофизиологии человека заключается в целостной деятельности всех его внутренних сил, качественно детерминированной социальными факторами, составляющими его сущность. «Внутренний мир» человека обуславливается многими «системными силами», возникающими в результате взаимодействия известных нам и неизвестных пока явлений. Объективный научный анализ взаимодействия «системных сил» позволит в будущем раскрыть многие загадки психики человека, выявить новые резервы его жизни как в биологическом, так и в социальном плане.

Однако это лишь одна сторона вопроса, связанная с возможностями научного познания. Но есть и другая, не менее важная – специфически человеческая, ценностно-гуманистическая, затрагивающая самые основы и смысл человеческого существования, и ее также следует иметь в виду, обращаясь к перспективам человека.

«Душа человека, - замечал Гегель, - велика и обширна, истинный человек носит в себе много богов, и он замыкает в своем сердце все силы, разбросанные в кругу богов: весь Олимп собран в его груди».⁸ Но, видимо, не только благородные, но и многие отвратительные порождения прорываются порой на поверхность души человека. И потому его история окрашивается не только светлыми тонами разума и гуманизма, но и черными красками неразумия, бессмысленных проявлений жестокости и низости. Нелепо видеть причину этого в биологической природе человека, но и нельзя игнорировать ее, так как тем самым в какой-то мере мы обезоруживаем себя в борьбе за истинного Человека – человека разумного и гуманного, гармонически развитого в духовном и физическом отношениях.

Выдающийся советский ученый Б. Л. Астауров поистине пророчески писал: «Надо желать и верить, что по мере того, как человек будет все более рационально вмешиваться в свое окружение и создавать для себя все более совершенную среду жизни, и по мере того, как он начнет находить все более гуманные и эффективные пути совершенствования своей наследственности, порождения зла и тьмы будут отступать перед духами добра и света. Нет

⁷ Дарвин Ч. Происхождение человека и половой отбор. – Полн. СОБР. Соч. М.; Л., 1927, т. 2, с. 60.

⁸ Гегель Г. В. Ф. Эстетика. М., 1966, т. 1, с.245.

никакого сомнения, что в будущем обществе социальной справедливости, обществе, основанном на светлых идеалах, факторы социальной сферы в процессе своего прямого влияния на реализацию противоречивой наследственности будут благоприятствовать полному расцвету всех его наследственных задатков, которые способствуют развитию человечности и альтруизма и, наоборот, будут подавлять проявления, доставшиеся человеку в наследство от зоологических предков, задатков агрессивности и эгоизма. Следует надеяться, что в результате этого процесса как будущая среда всего человечества, так и будущая его наследственность сольются в гармонию и станут в конце концов такими, какие нужны для того, чтобы создавать подлинно мудрого и гуманного Человека с большой буквы.

К этому должен стремиться высоконравственный человек передового социального строя, человек сегодняшнего и завтрашнего дня. Но при этом он должен твердо помнить, что, хотя его собственный эволюционный прогресс и вступил в социальную фазу, господствующие в окружающей его среде и в его собственном организме законы биологии тем самым ни в коей мере не отменены. Он должен помнить и о том законе природы, с которого мы начали, о том, что каждое его свойство зависит не только от среды, но и от его собственной наследственности и что, становясь господином своей судьбы и беря эволюционный процесс человечества в свои руки, он должен научиться обращаться не только со своей средой, но и со своей наследственностью крайне заботливо, бережливо, мудро и гуманно.

В социальной фазе своей эволюции он должен заслужить себе новое наименование – Человек мудрый и гуманный – Homo sapiens et humanus».⁹

И здесь громадную роль играет понимание *социальной сущности* человека и путей его развития как личности в ее диалектическом единстве с обществом, экономическими, социальными и духовными сторонами его жизнедеятельности.

Эта концепция позволяет дать научный ответ и на «извечный» вопрос о соотношении социальных и природно-биологических факторов, а тем самым преодолеть биологизаторские, неоевгенические идеи о создании якобы нового «сверхчеловека», которые выдвигаются сегодня со ссылками на последние достижения генной инженерии, технологии бионики, психофизиологических исследований и т.п. В них не учитывается, что природно-биологические факторы действуют в человеке в преобразованном, «снятом» виде, что существует *диалектика опосредствования и преобразования природно-биологического социальным*, поскольку «человеческие предметы не являются природными предметами в том виде, как эти последние непосредственно даны в природе...»¹⁰ и что центром единства и взаимодействия природно-биологического и социального является *предметная деятельность* человека как общественного существа. И поскольку общество – это сам человек в его общественных отношениях,

⁹ Астауров Б.Л. Homo sapiens et humanus: Человек с большой буквы и эволюционная генетика человечности. – Новый мир, 1971, № 10, с. 224.

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 42, с. 164.

здесь речь идет именно о присвоении *человеческой* действительности, в ходе которого осуществляется процесс развития всей совокупности человеческих потребностей и способностей, формирующихся через посредство предметных форм, способов и средств культуры – труда, языка, навыков, умений, знаний, художественного творчества и т.п.

Следовательно, *процесс человека* – его становление и развитие – предстает, как присвоение и воспроизведение индивидом и личностью общественно-исторического опыта человечества, его материальной и духовной культуры в ходе общения с другими людьми и приобщения к социокультурному прогрессу человечества, в ходе обучения, воспитания и развития самого человека. Такой *исторический* подход позволяет не только научно понять закономерности становления и развития человека, но и правильно построить стратегию формирования личности, соответствующей по своим сущностным качествам новым требованиям, которые предъявляют к ней современные процессы научно-технической революции. Понимание социальной сущности человека и здесь оказывается ключевым, поскольку из него следует, что изучая общественные отношения людей, мы вскрываем *реальные* жизненные связи личности.

Общественные связи личности, являющиеся в то же время условием ее развития, получают адекватные формы выражения только в обществе, где «развитие богатства человеческой природы» становится «самоцелью». Это торжество человека, «абсолютное выявление творческих дарований человека без каких-либо других предпосылок, кроме предшествовавшего исторического развития, делающего самоцелью эту целостность развития, т.е. развития всех человеческих сил как таковых, безотносительно к какому бы то ни было *заранее установленному* масштабу. Человек здесь не воспроизводит себя в какой-либо одной только определенности, а воспроизводит себя во всей своей целостности, он не стремится оставаться чем-то окончательно установившимся, а находится в абсолютном движении становления»¹¹.

Такое целостное развитие не является достоянием элиты, «хотя оно вначале совершается за счет большинства человеческих индивидов и даже целых человеческих классов, в конце концов разрушит этот антагонизм и совпадает с развитием каждого отдельного индивида».¹² Таким образом будущее общество предстает для нас как такое состояние человеческого общества и самого человека, при котором его неограниченное развитие становится *самоцелью*. Это торжество человека в процессе самореализации его сущностных сил и смысла его существования, составляющего и смысл человеческой истории, которая и сама, в свою очередь, наполняет глубоким нравственно-философским смыслом его индивидуальное бытие.

Эта установка научного сознания позволяет, как я думаю, реалистически ставить и «вечные» вопросы, касающиеся продолжительности

¹¹ Там же, т. 46, ч. 1, с.476.

¹² Там же, т. 26, ч. II, с. 123.

жизни человека, его смерти и бессмертия, где также порождается сегодня немало мифов и утопических представлений.

Известно, например, что в современной геронтологии существует большое количество (около 300) самых различных концепций, делающих акценты, иногда абсолютизируя их, на разных факторах процесса старения человеческого организма. Эти концепции иногда делят на две категории. Согласно одной из них старение и смерть запрограммированы генетически; согласно другой они обусловлены возникновением генетических повреждений, которые накапливаются, поскольку организм не успевает их восстанавливать. Однако и здесь во все большей степени развивается осознание необходимости комплексного, системного подхода к проблеме старения и смерти человека.

В отношении современности и ближайшей перспективы в основном утверждается идея необходимости и возможности достижения с помощью разнообразных научных методов максимума видовой (биологической) продолжительности жизни человека (она определяется рядом ученых до 150 лет). На это направлены сейчас главные усилия ученых, хотя ясно обозначаются уже и другие, более отдаленные задачи. Однако они определяются, как правило, весьма разноречиво, и столь же различными оказываются временные параметры продления человеческой жизни. Говорится, например, о возможности в будущем увеличить продолжительность жизни до 1000 и более лет, а иногда и до... бесконечности. Речь идет в данном случае не просто о какой-то футурологической эйфории, а о прогностических высказываниях ряда ученых-специалистов.¹³ Существует международная ассоциация по проблеме «Искусственное увеличение видов продолжительности жизни людей», которая исходит из того, что возможно и необходимо продлить жизнь человека на сотни лет. Что касается А. Кларка, то он считает, что человек достигнет бессмертия уже 2090 г.! При этом обходится кардинальный вопрос: будет ли человечество всегда стремиться к максимально продолжительно длительно *индивидуальной* жизни и тем более бессмертию, либо оно найдет другие решения, когда его социально-этическое и нравственно-гуманистическое сознание изменит само понимание смысла человеческой жизни до такой степени, что личность не будет отделять себя от человечества, и его потребности и интересы окажутся наивысшими для нее?

Впрочем, такое отношение к смерти и бессмертию было хорошо показано Джонатаном Свифтом на примере «избранных» жителей Лапуты, «обреченных на бессмертие» при достижении старости и завидовавших смерти других стариков. И гётевский Фауст отказывается от самоубийства не из эгоистического желания как можно более длительной жизни, а из любви к людям, чтобы разделить общую судьбу человечества, правда сохранив при этом молодость. Поэтому мне кажутся более обоснованными и

¹³ См., напр.: Кларк А. Черты будущего. М., 1966; и др.

привлекательными *геронтологические* установки И. В. Давыдовского, считавшего, что «долголетие и связанная с ним проблема *активной творческой старости* – это нечто более реальное, чем скучное бессмертие. По сути дела речь идет о новом человеке, осознавшем свои потенциальные возможности не только на земле, но и в безграничных космических просторах. Он стал хозяином времени и пространства». ¹⁴ Такая постановка вопроса выдающимся ученым находится в полном соответствии, как я думаю, не только с научными реальностями современности по крайней мере на ближайшую перспективу, но, главное, и с социально-этическими и нравственно-гуманистическими принципами, выступающими в качестве важных, а впоследствии, может быть, решающих регулятивов продолжительности человеческой жизни. Она утверждает жизнь как бесконечную *историческую* деятельность путем разумного и гуманного чередования ограниченных по времени *индивидуальных* жизней, как радость и печаль возникновения, расцвета и смерти неповторимой и бесконечной самой в себе личности.

Этот философский подход, основывающийся на научном понимании смысла человеческой жизни, конечности индивидуального бытия и бесконечности исторического существования человечества, утверждает бессмертие человека в том, что единственно и соответствует его сущности, - в материальной и духовной культуре человечества, в бессмертии его разума и гуманности.

Прекрасно выразил это ученый-естествоиспытатель И. И. Шмальгаузен: «Результаты нашей творческой деятельности не гибнут вместе с нами, но накапливаются для блага будущих поколений. Так пусть же наш короткий жизненный путь освещается сознанием того, что человеческая жизнь много выше других жизней и только смерть обусловила возможность существования бессмертных творений его духа». ¹⁵ А вот перекликающиеся с ним мысли выдающегося писателя-гуманиста М. М. Пришвина: «Пусть он умирает, даже в обломках его остается победное усилие человека на пути к бессмертию... От него всегда остается то небывалое, что он рождает словом, делом, помышлением, поклоном даже, или даже пожатием руки, или только улыбкой посылаемой». ¹⁶

Человек – бесконечная Вселенная, и Вселенная для него – бесконечная «нить жизни», устремленной разумом своим и гуманностью в вечность.

¹⁴ Давыдовский И.В. Геронтология. М., 1966, с. 19.

¹⁵ Шмальгаузен И. И. Проблема смерти и бессмертия. М.; Л., 1926, с. 91.

¹⁶ Пришвин М.М. Дорога к другу: Дневники. Л., 1982, с. 52, 121.